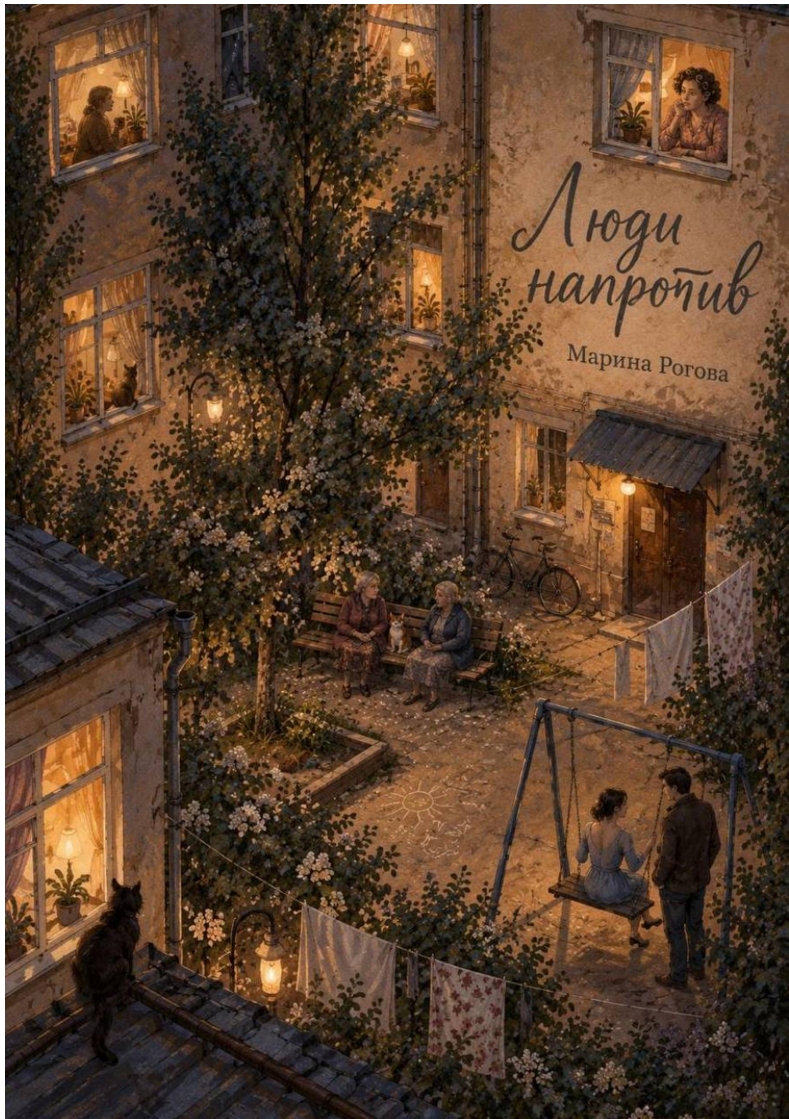

Марина Рогова

Люди напротив

<https://litres.ru/74635598>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга о старом двореке, в котором мы с вами выросли.

О двореке, который помнит всё: слёзы, ссоры, письма, тишину.

О том, что человеку нужен человек.

И о том, что никогда не поздно.

Марина Рогова

Люди напротив

Предисловие

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу о людях, которые живут напротив. Возможно, ты узнаешь в них соседей. А может быть и себя.

Это истории о старом дворике, где всё было просто и по-настоящему: качели, тополя и запах варенья из форточки. Здесь люди ссорились и мирились, теряли и находили, молчали и наконец решались заговорить.

Я писала эту книгу о том, что человеку нужен человек. О том, что любовь не спрашивает про возраст, а счастье не смотрит на календарь. И о том, что никогда не поздно протянуть руку, написать письмо, выйти во двор и просто остаться.

Пусть эти истории согреют тебя так же, как когда-то согрели меня.

С любовью, Марина Рогова.

Женщина в голубом платье

Женщина в голубом платье с декольте сидела на качелях во дворе старых хрущёвок и громко распевала какой-то шлягер 80-х. Она пела так горько и надрывно, будто хотела выкричать всю свою боль и обиду, а заодно разбудить весь квартал.

Антонина Ивановна — муза, прима театра им. Вознесенского, гроза режиссёров и буфетчиц, ещё вчера сияла на сцене, а сегодня вдруг стала безработной. Её вежливо попросили написать заявление на увольнение. Видимо, зря она сгоряча послала режиссёра куда подальше. Хотя, если честно, он давно напрашивался. Но, как говорится, что сделано, то сделано.

Ветер шевелил подол её платья, и в свете фонаря ткань казалась то голубой, то почти серебряной. Тоня пела, запрокинув голову, и слёзы блестели на её щеках, она их даже не вытирала. В этом дворе, среди облупленных стен и старых тополей, её голос звучал дико и прекрасно, как крик раненой птицы. Правда, у бабы Зины с третьего этажа было своё мнение: «Кошка мартовская!» — и она уже третий раз хлопала форточкой. Тоня хлопала руками в ответ. Так у них и шёл творческий диалог.

Степан посмотрел на часы с синей подсветкой на стене — 23:30.

— Интересно, когда она перестанет горланить? Может, спуститься и попросить её петь потише?

Мужчина часто вёл вслух диалог с самим собой, потому что большую часть своей жизни находился один. Когда-то, много лет тому назад, он был женат, но с женой не сошлись характерами. Точнее, жена сказала, что он «слишком медленный», а он сказал, что она «слишком тяжелая», и на этом их семейная жизнь благополучно закончилась, они разошлись в разные стороны. А потом пытался наладить личную жизнь, но как-то не получилось. С годами одиночество перестало быть тяжелым, оно стало привычным, как старый халат. Но иногда, вот в такие вечера, оно подступало к горлу и сжимало так, что хоть самому выходи во двор и пой.

Почесав затылок, он побрёл к шкафу с одеждой. Надел то, что попримечнее. Правда, «попримечнее» у него означало «свитер без дырки на локте». Через десять минут он был во дворе. Подошёл сзади и, дождавшись паузы, как раз между «миллион алых роз» и «ой, цветёт калина», — пробасил:

— Ну и что тут за актриса из погорелого театра?

Тоня, глотая в этот момент коньячок из маленькой бутылочки, от неожиданности поперхнулась и начала громко кашлять. Её сумочка выскользнула из рук и полетела на землю. Она хотела было её подхватить, но зацепилась платьем за качели и полетела вслед за сумкой. Раздался грохот на весь двор.

«Звук упавшего мешка с картошкой с 9-го этажа», — подумал Степан. И тут же добавил про себя: «Надо с ней как-то повежливее».

— Вы не ушиблись? — начал, переминаясь с ноги на ногу, беседу Степан. Он хотел добавить что-то ещё, но в голову пришло только «у вас платье красивое», и он решил не рисковать.

— Это что ещё за дрищ в растянутых трико? — чуть не выпалила Антонина, но вовремя спохватилась, вспомнив ссору с режиссёром. Она сделала вывод, что не всегда думает, прежде чем говорит, и от этого много проблем в её жизни. Вывод был свежий, как утренний хлеб, и такой же недолговечный. Тоня знала, что к обеду забудет о нём.

— Здравствуйте, а вы кто?

— Добрый вечер, меня зовут Степан, я жилец дома, который как раз напротив вас.

— Напротив? — Тоня прищурилась. — Это вы по утрам в окне с чашкой стоите и на весь двор зевааете, как морж?

— Я... задумываюсь.

— Так громко?

— Талант.

Тоня хмыкнула. Мужчина с чувством юмора — это уже что-то. В её театре таких почти не водилось.

— Степ, а давай с тобой выпьем за моё увольнение? — грустно произнесла Тоня и для убедительности потрясла бутылочкой.

— Не могу, мне завтра рано вставать на работу. А почему вас уволили?

Антонина достала из сумки ещё бутылочку коньяка и начала с самого начала, с того момента, как устроилась работать в театр. Она говорила и говорила, а Степан слушал. Он

слушал так, как давно уже никто её не слушал, не перебивая, не советуя, не осуждая. Просто впитывая каждое слово. И в этом молчаливом внимании было что-то такое тёплое, такое человеческое, что Тоня вдруг почувствовала, как внутри неё что-то отпускает. Словно туго сжатая пружина наконец распрямилась.

Правда, к середине монолога Степан всё-таки не выдержал и спросил:

— А вы всегда с коньяком на качелях качаетесь, или это у вас в честь праздника?

— Это у меня в честь трагедии, — гордо ответила Тоня.
— А ты, я смотрю, вообще не пьёшь.

— Я пью. Только редко.

— Раз в год?

— Примерно.

Тоня посмотрела на него внимательно. Впервые за вечер ей стало не смешно, а интересно.

Утреннее солнце светило в глаза, заставив Антонину

проснуться. Она сладко потянулась и осмотрелась. И вдруг поняла, что она не дома. Приподняв одеяло, она увидела, что нижнее бельё на ней. От мысли, что могло вчера ночью произойти, её затошнило. Она подскочила и начала судорожно одеваться. Носки не её. Тапки тоже. «Господи, — подумала Тоня, — я даже не помню, как его зовут». Потом вспомнила: Степан. И почему-то от этого стало легче.

Пройдя на кухню, Тоня увидела записку, лежавшую на столе. На ней аккуратным почерком было написано:

«Не обращай внимания на беспорядок, некогда было убраться. В холодильнике есть яйца и сосиски, в морозилке пельмени. Приготовь что-нибудь себе поесть. Я на работе, буду в 18:00. Степа».

Тоня перечитала записку дважды. Потом посмотрела на холодильник. Потом на стол. Потом на его носки. И вдруг расхохоталась. Так, как не смеялась уже много лет.

Это было так мило. Она вспомнила своего бывшего мужа, они тоже писали друг другу записки, даже любовные и романтические. Правда, потом он записками же и объяснял, почему уходит. Тоня решила не вспоминать эту часть.

— Господи, как давно это было... Люди столько не живут,

— произнесла Тоня, но уже без горечи, а как-то почти весело.

Антонине Ивановне было 60 лет, но выглядела она как настоящая актриса, моложаво и ухоженно. Она надеялась на то, что ещё встретит своего партнёра для близких отношений, но с возрастом надежда стала угасать. И чем дальше, тем спокойнее. В зеркале она видела женщину, которая всё ещё хороша, но уже не для всех. А ей хотелось быть прекрасной для кого-то одного.

Тоня вспомнила нелепый вид Степана и невольно задумалась о том, что ей такой тип мужчины не подходит. Слишком простой. Слишком спокойный. Слишком... свой. Но в то же время мысль о том, что он повёл себя как настоящий джентльмен, — он даже оставил её одну у себя дома, — это ведь о чём-то говорит? — спросила она саму себя. «Или о том, что я храплю», — честно добавила она и поморщилась.

Антонина решила во что бы то ни стало отблагодарить Степана. Нашла в морозилке фарш, а в столе картошку.

«Ну что же, приготовлю ужин своему спасителю и, наверно, наведу порядок в доме».

Она с удовольствием принялась за приготовление котлет

и картофельного пюре. Руки делали привычное дело, а мысли всё кружились вокруг вчерашнего вечера. Как он смотрел на неё. Как молчал. Как не осудил. Она вспомнила его руки, большие, с грубыми пальцами, но в них было столько спокойствия, что ей захотелось вдруг прикоснуться к ним. Просто прикоснуться и всё.

Котлеты шипели, пюре пыхтело, а Тоня всё подливала и подсыпала. В какой-то момент она поняла, что наготовила на роту солдат. Ну и ладно. Пусть будет. Не выбрасывать же.

За готовкой и уборкой она не заметила, как пролетело время, и дело близилось к вечеру. Ей пора возвращаться домой. Перед выходом она ещё раз окинула взглядом холостяцкое жилище Степана, чисто, уютно, по-мужски просто, и вышла в подъезд.

— Ну и что? Ты так и уйдёшь? — мысленно произнесла себе Антонина.

Она достала ручку и листочек, написала свой номер и вставила в проём двери. Потом отошла на два шага, вернулась, переставила записку повыше, чтобы точно увидел. Потом ещё раз поправила. И поспешила на выход, чувствуя себя при этом старшеклассницей, которая оставляет признание в любви.

Весь вечер у Антонины крутились мысли о Степане. Она то ругала себя за глупость, то вспоминала его голос, то представляла, как он читает её записку. Сердце жило своей жизнью, оно то замирало, то пускалось вскачь, и Тоня уже не понимала, кто она: взрослая женщина или влюблённая девочка.

— Перестань, — говорила она сама себе. — В твоём возрасте невозможно встретить мужчину и начать отношения. Слишком поздно. Раньше надо было.

И тут же другая часть её, актёрская и упрямая, отвечала: «Раньше я была занята. Театр. Поклонники. Овации. Мне некогда было встречать. А сейчас как раз самое время». Тоня вздохнула. Логика у неё всегда была театральная.

И вдруг раздался звонок. Внизу живота у Тони заныло, и защемило в груди. Она взяла трубку и услышала вполне приятный голос:

— Антонина Ивановна, вы изумительно готовите. Теперь моя очередь радовать вас. Как вы смотрите на то, если я вас на выходных приглашу в кино? Можете выбрать сами, что именно будем смотреть.

Тоня замерла, расплылась в улыбке и сказала:

— Я подумаю. Но предложение мне нравится.

В трубке помолчали. Потом Степан осторожно спросил:

— А долго думать?

— А вы торопитесь?

— Я много лет никуда не торопился. Но тут вдруг заторопился.

Тоня засмеялась. Впервые за долгое время — по-настоящему, легко, без надрыва.

Так началась история двух одиноких и уже немолодых людей, которые уже и не надеялись встретить свою любовь. А она взяла и случилась, тихо, просто, в старом дворе.

Баба Зина и форточка

Зинаида Петровна жила на третьем этаже и воевала со всем двором. С утра до вечера её форточка хлопала, как выстрел, — это был её способ говорить с миром. Не нравилось ей всё: то коляска в подъезде стоит, то бельё на балконе су-

шат не по правилам, то молодёжь под окнами смеётся слишком громко.

— Ну чисто кошка мартовская! — бросала она в форточку, когда во дворе кто-то пел.

Пела, правда, обычно Антонина Ивановна с четвёртого, та самая актриса. Но баба Зина не разбирала, кто именно. Ей было важно пошуметь.

На втором этаже, прямо под ней, жила Катя. Кате было двадцать восемь, и у неё был сын Мишка, трёх лет, вечный насморк и характер Наполеона. Муж Кати, Серёжа, работал вахтой и приезжал раз в два месяца, усталый и чужой. Катя крутилась одна: садик, работа, магазин, аптека, снова садик. Иногда ей казалось, что она не живёт, а отбывает смену.

С бабой Зиной они не разговаривали. Только воевали.

— Опять коляску в подъезде оставила! — кричала баба Зина с лестницы. — Пожар будет — все сгорим!

— А вы не кричите, а помогите! — отвечала Катя, волоча Мишку на руках и сумки в зубах.

— Я своё отработала! — отрезала Зинаида Петровна и

хлопала дверью.

Катя за глаза называла её «старой гримзой». Баба Зина за глаза называла Катю «рассомахой». Обе были несправедливы. Обе об этом не знали.

В тот вечер всё началось как обычно. Мишка капризничал, Катя не спала третью ночь, у неё прорезался зуб мудрости, у Мишки лезли все остальные. На плите убегал суп. В окне у кого-то играла старая песня, которую во дворе знали наизусть все, но никто не признавался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.